

Аркадий Арканов:

«НЕ ЖДИТЕ ОТ САТИРИКА СМЕШНОГО»

Считаю своим долгом предупредить читателя, собравшегося расслабиться, отключить мозги и похихикать только потому, что у него в руках Арканов, — не рассчитывайте! Аркадий Михайлович очень серьезный человек, я бы даже сказала — мрачный. Впрочем, если хотите, улыбайтесь. Мне же было не до смеха, когда я включила диктофон и задала первый вопрос. Арканов ел геркулесовую кашу, жаловался на язву желудка и отвечал основательно, иногда надолго замолкая. Меня вдруг перестала тяготить его неулыбчивость и откровенное нежелание юморить. Каша безнадежно остыла и загустела, и вместо задуманной двадцатиминутной беседы мы проговорили почти два часа...

Жотелось бы вам стать «новым русским» — уверенным в себе, богатым, разъезжать в сопровождении вооруженной охраны? Не завидуете вы всему этому антуражу?

— Не завидую. Но это вовсе не означает, что я отказываю себе в желании ездить на хорошей машине, иметь столько денег, чтобы не задумываясь полететь в ту точку земного шара, куда в этот момент потянет. Я не отказался бы от хорошей дачи или даже виллы, с гаражом, с телефонами, чтобы я мог принимать там своих друзей, причем, если захочется, всех сразу и чтобы всем было комфортно и удобно. Все это, по-моему, нормальные человеческие желания. Единственное, что из этого антуража я отверг бы непременно, даже если бы мне предложили, — личную охрану: это меня бы очень напрягло, я не люблю постоянного присутствия рядом с собою посторонних людей. Тем более что никакая охрана не есть гарантия безопасности. Если можно подстрелить государственных деятелей, вплоть до президента, то я полагаю, что наличие многочисленной охраны — это некая игра, некая обязательная принадлежность имиджа, одежда звезды — это как бы придает значимость. И к сожалению, очень часто получается, что эти игрушки, эти внеш-

ние атрибуты становятся «базой», а само дело, которым человек занимается, — «надстройкой», если пользоваться привычной хрестоматийной терминологией.

— Может быть, вы завидуете сотоварищам по цеху, их успеху, популярности, везению?

— Ни ревности, ни зависти к своим товарищам я никогда не испытывал. Разовому, легкому успеху — тем более, это меня вообще не волнует. Но если я вижу, что успех сопутствует человеку, который делает то, чего я не умею и никогда не смогу, — это вызывает у меня искреннее восхищение. Будь то футболист, певец или писатель. Любой настоящим профессионалом. Например, когда я читаю Фолкнера, я вижу: я не могу так написать, ну, не могу! Для меня Фолкнер — великий писатель. А когда я читаю Сэлинджера, который для меня тоже великий писатель, я его обожаю, но позволяю себе подумывать: так бы написать я мог. И иногда, мне кажется, это у меня получается. Тут не может быть зависти.

— Вы по образованию врач. Что вас потянуло в литературу: вдохновляющий пример Антона Павловича Чехова, желание прославиться, стать знаменитым или медицина была случайной избранницей?

— Я еще в школе интересовался высшей нервной деятельностью человека, посещал специальные кружки, слушал в Политехническом музее лекции по этой теме, страшно был увлечен учением

Ивана Павлова об условных рефлексах. Так что, окончив школу, я вполне сознательно, без всяких колебаний пошел в медицинский институт. Однако дальше все повернулось неожиданным образом и как бы независимо от меня. В институте я попал в среду очень талантливых людей, разнообразно талантливых, в том числе и в искусстве. Они сочиняли великолепные капутники, вовлекли меня в это дело, и я вдруг почувствовал, что услышать смех зала как реакцию на то, что ты придумал, сочинил или показал, — это высшее наслаждение и высшее удовлетворение. Я втянулся в сочинительство как наркоман. И все развивалось так стремительно, что, окончивая институт, я уже сомневался в том, что буду работать врачом. И не потому, что разочаровался в медицине или понял, что в материальном отношении это занятие весьма неперспективное. Нет, я даже сделал попытку совмещать две эти профессии. Но почти сразу же понял, что это невозможно — и технически, и главным образом этически. Потому что врач имеет дело с людьми, с больными людьми, изо дня в день, и если он при этом думает только о том, чтобы поскорее закончился рабочий день и можно было бы заняться наконец тем, к чему стремится душа, — это безнравственно. И никому еще не удавалось совместить всерьез врачевание и писательство. Все писатели, когда-либо закончившие медицинский институт, рано или поздно уходили из этой профессии в литературу, а их было немало — Булгаков, Вересаев, Аксенов, Горин. Кстати, мне кажется неслучайным, что именно медицина дала литературе столько прекрасных имен. У медика вырабатывается какой-то особый взгляд на жизнь и на человека, и, если он иссле-

дует психологию личности как литератор, он делает это с полным знанием предмета.

— Прежде сатирикам житья не было от цензуры: и то нельзя, и это могут неверно истолковать, и третьего лучше не касаться во избежание... Теперь вроде бы все дозволено, но и интереса особого ни у кого не вызывает. Такое впечатление, что сейчас утрачен смысл сатирического слова и ухо слушателя уже не настроено на подтекст — так, разве что расслабиться немного, похихикать над незамысловатыми, а порой и натужными шуточками. Может, России больше не нужны сатирики?

— Нужны сатирики, нужны. Давайте только не будем словом «сатира» обозначать не литературные произведения, предназначенные для чтения, а лишь эстрадные выступления писателей и неписателей, именующих себя сатириками. Сегодня, конечно, на подтекстах не вылезти, если средства массовой информации напрямую говорят абсолютно все и обо всем и даже президента можно назвать любимым, в том числе и нецензурным словом, — какие уж тут подтексты. В таких условиях бессмысленно ту конфетку, которую ты хочешь подsunуть своему слушателю, заворачивать в красивый фантик, нужно положить эту конфетку ему в рот, чтобы он мог сразу проглотить ее.

— Вы хотите сказать, что зритель или читатель поглупел?

— Нет. Он попал в ситуацию, в чем-то схожую с той, которая всегда была на Западе, в открытом, свободном обществе, развитом во всех отношениях, благополучном, где никому не приходило в голову ни с театральных подмостков, ни на страницах сатирических произ-

уна. Вообще, конечно, все зависит от величины дарования. Жванецкий и сегодня остается Жванецким, несмотря на все перемены, о которых мы говорим. Хотя и ему нелегко. Людям высоко одаренным сегодня, в этот переходный период, труднее жить. Писать не труднее, писать всегда легко и трудно одновременно. Дойти до зрителя, до читателя труднее, потому что в такие переломные периоды всегда берет верх общечеловеческий примитивизм.

— Чувствуете ли вы сегодня свою невостребованность — на радио, на телевидении, на эстраде, в театре, в кино. Или, быть может, наоборот — вас рвут на части?

— Не знаю, может быть, мне просто повезло, не могу судить — субъективно это или объективно, но я сегодня человек востребованный. И не только как сатирик. Я чувствую, что во мне есть необходимость. Это большое счастье. Я не знаю, что буду делать, когда пойму, что в профессиональном да и в человеческом плане никому больше не нужен. Наверное, я уеду куда-нибудь в другую страну и буду там доживать спокойно и тихо. Потому что там у меня не будет никаких претензий к людям, которым я не нужен, — они ведь меня не знают и никогда не знали. Здесь, если такое случится, — это будет катастрофа.

— Проблема выживания для многих наших сограждан сегодня затмила многие другие проблемы. Вас это коснулось?

— Коснулось, конечно. Но проблема выживания у каждого своя. И уровень выживания у каждого свой. Если речь идет о том, есть ли у меня деньги на еду, — есть, и на то, чтобы хорошо питаться, — тоже есть. И на одежду, которая

САТИРИКА СМЕШНОГО»

ведений высмеивать президента или парламент. Этим занимаются журналисты. Сегодня сатирик всегда опаздывает, он не выдерживает конкуренции со средствами быстрого реагирования — прессой, радио, телевидением. Для меня неприемлемы хамство и бестактность ни на сцене, ни в политической полемике, ни в журналистике. В этом смысле можно говорить о кризисе нашего жанра: либо сатирик сохраняет свое лицо, идя заведомо на какие-то потери с точки зрения успеха у массового зрителя, либо идет у него на поводу, упрощая все, отказываясь от глубины и соревнуясь с самыми яркими журналистами и в скорости подачи материала, что заранее обречено на провал, и в беспардонности его интерпретации.

— Вы сделали свой выбор?

— Я остался самим собой. Правда, стараюсь реже выходить на сцену и не позволяю себе опускаться

мне нравится, тоже хватает. Но у меня есть другие, очень серьезные проблемы, они могут показаться смешными или же, наоборот, взбесить человека, которому нечего есть. Но для меня это не смешно. Например, проблема издания книг. Конечно, это больше проблема профессиональная, чем материальная. С материальной же точки зрения, если условно определить мой уровень, я бы сказал так: по сравнению с теми, у кого сегодня нет денег на хлеб, — я миллионер, по сравнению же с теми, кого мы условно причисляем к «новым русским», — я нищий.

— А вы подаете нищим?

— Иногда подаю, а иногда не замечаю их, как, бывает, не замечаешь дождь. А иногда вдруг возникает ощущение, что нельзя пройти мимо, и такое сильное ощущение — до болевого шока, и потом долго не можешь от этого избавиться. Но в любом случае я считаю,

что делаю благо дело, подавая милостыню. Это не моя проблема. И не ваша. И никого из нас в отдельности.

— Что бы Арканов-сатирик пожелал своим согражданам в столь непростое для них время? Только серьезно...

— Да я и никогда не считал себя сатириком. Я писатель. И вообще не люблю это понятие — сатирик, которое возникло и прилепилось к писателям в советское время как ярлык. Я считаю, что это профанация. С моей точки зрения, и Салтыков-Щедрин, и Зошенко, и Булгаков — не сатирики, а великие писатели, глубокие, тонкие, философствующие. Так что пожелание сатирика — не ждите от сатирика смешного.

Рада полищук.

**Учась
врачеванию, я
втянулся в
сочинительство.
Как наркоман**

ниже среднего уровня зрителя. Да, моя задача его рассмешить, иначе вообще незачем выходить на сцену, но я хочу, чтобы и зритель и читатель стремились понять меня, а не просто бездумно смеялись только потому, что перед ними Арканов.

— Вы хотите сказать, что вы — не шут и не клоун?

— Я прежде всего писатель. Хотя могу выйти к зрителю в маске кло-